



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. К. СОКОЛОВА

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Фольклор всегда изучался как важнейшая составная часть народной культуры; использовался он в русской и мировой науке и в качестве источника при историко-этнографических исследованиях. Ученые разных направлений пользуются при этом разными методами и по-разному интерпретируют фольклор, значение же его, как правило, сомнению не подвергается. Однако в советской науке за последнее время наметился некоторый разрыв между этнографией и фольклористикой, одинаково вредный для обеих смежных дисциплин. Этнографы порой отказываются от собирания и использования фольклора, иногда используют его без учета его специфики, фольклористы же декларируют изучение фольклора только как художественного поэтического творчества. Поэтому уместно напомнить о связях устного поэтического творчества с бытом народа, о значении его для историко-этнографических исследований и о принципах его использования в таких исследованиях.

Устная народная поэзия — неотъемлемая часть народной культуры. В ней в своеобразной художественной форме отражены жизнь и духовный облик народа, ее создающего и хранящего. Поэтому изучение любого народного поэтического произведения или жанра фольклористики, если оно ведется с правильных методологических позиций, обязательно раскрывает и какие-то стороны быта и воззрений народа, а история народной поэзии, составление которой сейчас выдвигается в качестве основной задачи советских фольклористов, должна показать не только развитие народного словесного искусства, его художественных форм и образов, но и развитие народного мировоззрения. Народная поэзия органически входит в быт народа, сопровождая все важнейшие моменты в жизни человека и его семьи, работу и досуг, праздники и обряды, и без нее характеристика народной жизни будет неполной, обедненной. При изучении форм бытования фольклора и его общественных функций исследования этнографов и фольклористов смыкаются самым тесным образом.

Но фольклор может и должен служить уже собственно источником и при разработке важнейших историко-этнографических проблем. Советские ученые — фольклористы и этнографы — рассматривают устную народную поэзию как творчество самих трудящихся масс, имеющее ярко выраженный классовый характер; все жизненные явления изображаются и оцениваются в нем с точки зрения разных слоев трудового

народа¹. Это положение является руководящим при любом исследовании. Возможности же и конкретные приемы использования фольклора зависят от уровня исторического развития изучаемого народа, типа произведений и темы исследования.

Характер фольклора и роль его в народном быту на каждой стадии общественного развития имеют свои особенности. На ранних ступенях истории человечества устная народная поэзия не только искусство. Она предназначена служить практическим целям и является энциклопедией народных знаний и опыта, сводом народных представлений о мироздании, природе, обществе, истории, моральным и правовым кодексом и пр. Поэтому изучение истории любого общества на ранних стадиях его развития невозможно без широкого привлечения фольклора, который при исследовании проблем мировоззренческого характера и социальной организации является основным, а часто и единственным источником. С развитием общества устное поэтическое творчество по своей функции все более сближается с художественной литературой, но оно остается все время тесно связанным с бытом народа и выражает взгляды, идеалы и стремления разных групп трудящихся.

Одна из важнейших специфических особенностей устной поэзии состоит в том, что в ней новое своеобразно сочетается с традицией; наряду с широким и всесторонним изображением современной жизни в ней сохраняются художественные образы, мотивы, отдельные элементы, а иногда более или менее цельные произведения, восходящие к самым отдаленным эпохам. Поэтому даже поэтическое творчество¹ высоко развитого народа может много дать для изучения его прошлого; порой оно является единственным свидетельством существования у изучаемого народа в прошлом таких представлений и социальных¹ институтов, которые по другим источникам установить невозможно. Так, например, у нас не сохранилось сведений о существовании у предков восточнославянских народов обряда инициации; испытания же, которым всегда подвергаются герои волшебных сказок, препятствия, которые им приходится преодолевать, определенно указывают, что этот обряд у них был; сказки о животных, как и некоторые поверья, сохранили остатки тотемистических представлений и т. д.

При изучении народного быта, современного или сравнительно недалекого прошлого, народное поэтическое творчество не откроет, конечно, явлений, неизвестных этнографу из непосредственных наблюдений и письменных источников. Значение же фольклора как мировоззренческого источника не только не уменьшается, но еще более возрастает, так как классовая направленность его становится более четкой и острой. Таким образом, использование фольклора в этнографических исследованиях получает новый аспект.

При разработке разных проблем значение фольклора неодинаково. При изучении материальной культуры это в большинстве лишь дополнительный источник. Конечно, в различных фольклорных произведениях встречаются описания жилища, одежды, домашней утвари, орудий труда, вооружения и пр. (в их числе встречаются и предметы, уже исчезнувшие из быта), но обо всем этом, как правило, известно более полно из археологических и этнографических материалов; фольклор может дать лишь дополнительные штрихи. В этих случаях не устная поэзия служит источником, а сопоставление предметов, упоминаемых в отдельных произведениях, с этнографическими и археологическими данными может послужить основанием для хронологического и географического приурочения этих произведений, а иногда поможет и определить их принадлежность определенному периоду (так, исследование, проведенное

¹ Среди массы устнопоэтических произведений у каждого народа встречаются и произведения, выражающие идеологию господствующих классов. Но, как правило, их очень немного, и исследователь путем тщательного анализа всегда может выделить их.

Р. С. Липец и М. Г. Рабиновичем, показывает, что почти все предметы вооружения богатырей, называемые в былинах, и упоминаемые в них приемы ведения войны относятся к домонгольскому периоду²; об этом же времени говорит описание в былинах жилища и других сторон материальной культуры). Упоминание в народной поэзии тех или иных предметов говорит также об их распространенности в прошлом и порой показывает отношение к ним народа, раскрывает его вкусы в разные эпохи (так, описание внешности и одежды положительных героев говорит о народном идеале красоты, показывает, какая одежда считалась лучшей, наиболее дорогой и красивой). В некоторых случаях упоминание отдельных предметов, не характерных для народа, у которого произведение записано, может послужить основанием для заключения о культурно-исторических связях между племенами и народами (такое же значение имеет и терминология, заимствованная из других языков). Тип же хозяйства, основные занятия населения, определяющие особенности материальной и духовной культуры, на основании фольклорных произведений могут быть охарактеризованы точно и полно.

Очень ярко показаны в произведениях фольклора (особенно в свадебных и семейных песнях) семейные отношения. Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», который служит для нас образцом использования фольклора в историко-этнографическом исследовании, характеризуя взаимоотношения между членами большой патриархальной семьи, сослался именно на русские песни: «русские народные песни весьма красноречивы на этот счет»³. В русском дореволюционном фольклоре не только с исключительной яркостью обрисована крестьянская семья периода позднего феодализма и развития капитализма, но и сохраняется много моментов, говорящих о ранних формах брака и семьи (особенно интересен в этом отношении свадебный обряд). То же наблюдается и в фольклоре других народов.

С достаточной полнотой представлены в фольклоре социальные отношения и социальные институты, причем — и это особенно важно — в произведениях, созданных в классовом обществе, показывается отношение трудящихся к эксплуататорским классам и государственному аппарату, выражаются народные стремления, рисуются социальные утопии. Исследование таких произведений чрезвычайно важно для изучения мировоззрения и социальных идеалов трудящихся, которые с такой полнотой и ясностью никакой другой источник представить не может.

Исключительно важную роль играет народная поэзия при изучении всех проблем мировоззренческого характера, и прежде всего — религиозных верований и представлений, которые запечатлены в песнях и заклинаниях, сопровождающих обряды, в мифах, легендах и преданиях. Останавливаться на этом нет необходимости, так как значение фольклора в этом отношении общепризнано. Споры могут быть лишь в понимании тех или иных явлений, и наша задача, руководствуясь историко-материалистическим методом, правильно истолковать смысл изучаемых верований и обрядов, определить их место в истории культуры и развитии мировоззрения.

Данные народного творчества очень важное значение имеют в этногенетических исследованиях. Их необходимо учитывать и при выделении и изучении этнических групп отдельных народов. Устно-поэтическая традиция имеет свои специфические областные различия, выражающиеся как в составе репертуара, так и в содержании и стиле произведений разных жанров. Эти различия, нередко весьма существенные, обуславливаются этническим составом населения, особенностями его истори-

² Работу Р. С. Липец и М. Г. Рабиновича см. ниже, стр. 22—35.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 61.

ческого развития, своеобразием хозяйства и быта, связями с другими народами. Такие различия наиболее сильно проявляются в жанрах, уходящих своими корнями в глубокое прошлое, особенно в обрядовой поэзии. Работа В. И. Чичерова о русских колядках⁴ показывает, какие интересные и важные выводы могут быть получены при изучении распространения обрядов и их областных вариаций. С развитием капитализма областные различия постепенно стирались; но они все же очень долго сохранялись, даже вновь создаваемые произведения и жанры подчинялись в какой-то мере уже сложившимся областным традициям (это можно проследить хотя бы на примере русских исторических песен — жанра относительно позднего).

В собственно исторических исследованиях фольклор используется в разных аспектах. У каждого народа имеются исторические предания и песни, к которым он относится с особым уважением, как к памяти о своем прошлом. В преданиях говорится, откуда пришел данный народ (или род, племя), о родственных, брачных связях, о военных столкновениях с другими племенами и народами и пр. Эти предания дают очень много для выяснения этногенеза и культурно-исторических связей. У народов, ранее бесписьменных, исторические предания зачастую являются единственным источником, дающим возможность установить основные этапы их истории и даже отдельные события⁵. Для более позднего времени, когда мы имеем многочисленные письменные источники, фольклор показывает народное отношение к изображаемым событиям и историческим деятелям, дает им оценку, которая зачастую расходится с оценками официальных документов и с которой историкам необходимо считаться. Особенную ценность имеет народная поэзия при изучении народных восстаний и революционного движения. Изучение фольклора о крестьянских войнах (о Степане Разине и др.), о «разбойниках» — социальных мстителях (Кармалюке, Довбуше, Яношике и др.) и революционных рабочих песен, предпринятое советскими фольклористами и фольклористами других социалистических стран, дает ценный материал и для историков.

Привлекая фольклор как исторический источник, нельзя забывать, что народ изображал события так, как он их понимал, и для рассказа о них нередко использовал уже сложившиеся ранее сюжеты и образы. Выяснить, что здесь идет от действительности и что от фольклорной традиции, порой бывает очень трудно, и историческое ядро можно вскрыть только путем тщательного анализа. Но отклонения от истории, столь обычные в произведениях фольклора, очень важны для понимания народных воззрений.

При разработке отдельных историко-этнографических проблем значение разных фольклорных жанров различно. Так, для изучения истории религиозных верований, их пережитков в современности особенно важна обрядовая поэзия, а также легенды, поверия, былички;

⁴ См. В. И. Чичеров, Русские колядки и их типы, «Сов. этнография», 1958, № 2.

⁵ Как долго и точно может сохраняться народом память об отдельных событиях, показывает пример, приведенный в исследовании Г. В. Ксенофонтова «Урангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов» (т. I, Иркутск, 1937, стр. 121—127). У якутов еще в 1930-х годах сохранялось предание о кровавой расправе между двумя родами из Борогонского и Мегинского улусов. Г. В. Ксенофонтов, записавший несколько вариантов этого предания, склонен был видеть в нем отголоски воспоминаний о каких-то межродовых расправах, которые потом были отнесены ко времени прихода русских. Случайно обнаруженные в архивах документы 1672—1682 гг. показали, что в предании рассказан действительный случай — убийство якутом Солуком Чугуновым Борогонской волости, сопровождавшим обоз с ясаком, погнавшегося за ним якута Курячко из Мегинской волости и последовавшую за этим расправу. Рассказано все это очень точно, с сохранением имен и деталей. Вымысел, идущий от фольклорной традиции, очень незначителен и легко может быть выделен. Об этом предании см. также во вступительной статье Г. У. Эргиса к сб. «Исторические предания и рассказы якутов», вып. I, М — Л., 1960, стр. 47—48.

семейные взаимоотношения с наибольшей полнотой охарактеризованы в свадебных и семейно-бытовых песнях; для историка наибольший интерес представляют исторический эпос, исторические песни и предания. Но нельзя ограничиться только одним жанром или предоставлять исследование какого-либо жанра специалистам в одной области. Ценный для разрабатываемой проблемы материал может содержаться в произведениях разных жанров и иногда там, где его меньше всего ожидаешь. Так, русские героические былины не уделяют большого внимания семейному быту, но в них имеется любопытная деталь — растят богатых, наставляют их и отправляют на ратные подвиги матери, «вдовы честные», об отцах же или ничего не говорится, или указывается, что они давно умерли, «преставились» (по-видимому, более позднее объяснение отсутствия отца; былина об исцелении Ильи Муромца, в которой действуют его отец и мать, — поздняя, созданная не ранее XVII в.); у Владимира имеется не дочь, а племянница любимая. Это говорит о каких-то пережитках матриархата и счете родства по материнской линии. Такие детали важны как для изучения истории семьи, так и для уточнения времени создания былин. Аналогичных примеров можно найти много в фольклоре каждого народа.

При обращении к фольклору как к этнографическому и историческому источнику, необходимо считаться с его художественной спецификой, с характерными приемами народной поэтики. Игнорирование этого приводило к неправильному толкованию смысла отдельных произведений и образов, к вульгаризации и неверным выводам.

Очень много для исторической этнографии может дать исследование образно-поэтической системы народного творчества. Многие из того, что сейчас воспринимается и используется в народной поэзии как художественный образ или прием, при своем возникновении было связано с воззрениями народа и отражало существовавшие представления об окружающем мире и человеке. Именно художественные образы, типические ситуации могут иногда содержать наиболее древние представления; в них может сохраняться память об институтах и семейно-брачных отношениях родового общества. Очень важно с этой стороны изучение в историческом разрезе народной символики и таких приемов, как психологический параллелизм, сравнения, постоянные эпитеты. Так, в песнях почти всех славянских народов встречается уподобление: смерть — свадьба. В русских и украинских песнях раненый воин, умирая, просит своего коня (друга, птиц, ветер) отнести последний привет его родным и сказать, что он женился в чужой стороне на другой жене, что женила его пуля меткая и т. д. В болгарской гайдуцкой песне гайдук, которого ведут на казнь, говорит, что его ведут жениться на молодежи, что кумовьями ему будут тонкие конопля и т. д. Здесь, конечно, уже поэтический образ. Модификацией образа кровопролитная битва — свадебный пир является излюбленный образ русских исторических песен: «угощение» врагов — непрошенных гостей, разработанный уже в ироническом плане. Истоком же всех этих образов послужило древнее отождествление свадьбы и смерти. Свадьба — переход в другой род, начало новой жизни, и смерть — переход в иной мир, также начало другой жизни. Эти представления выразились и в обычае хоронить умерших женщин в подвенечном наряде, обычае, прослеживаемом в восточнославянских курганных погребениях XII—XIV вв., в сохранившемся у русских в некоторых местах до XIX в. обычае одевать умершую девушку как невесту, в сходных свадебных и похоронных причитаниях и т. п. Наличие этого символа у всех славянских народов свидетельствует, что лежащие в его основе представления восходят ко времени славянской общности. Таким образом, исследование символики имеет большое значение и для истории народного мировоззрения, и для истории народного поэтического творчества.

Раскрыть смысл отдельных образов в ряде случаев оказывается возможным лишь при сравнительно-историческом изучении фольклора. Иногда древние представления, сохранившиеся у одного народа лишь в форме трансформированных сказочных образов, у другого, родственного народа могут оставаться еще живыми верованиями. Так, в русских сказках герой подстерегает девушку-лебедя во время купания и сжигает скинутое ею оперение, заставляя ее стать его женой. Южные же славяне еще до недавнего времени верили в существование вил (самовил), которых юнак может добыть себе в жены таким же способом. На основании сопоставления этих образов можно сделать заключение, что аналогичные верования были в прошлом и у восточных славян, и установить истоки популярного сказочного образа. Это лишь частный пример использования сравнительно-исторического метода. Возможности его применения очень широки, но характеристика его в целом составляет уже специальную задачу.

Раскрыть специфику народных поэтических произведений, всесторонне изучить их должны, конечно, фольклористы, владеющие методом специального анализа. Этнографы же и историки должны дать материал, помогающий глубоко и правильно понять все особенности изучаемых произведений, приурочить их этнически, хронологически и географически.

В последнее время появился ряд крупных исследований, в которых произведения народного поэтического творчества изучаются с привлечением большого этнографического материала, что дает возможность проникнуть в их сущность и объяснить все их элементы. В качестве примера можно указать работу Е. М. Мелетинского о генезисе образа героя волшебной сказки⁶, В. М. Жирмунского об Алпамыше⁷, В. Я. Евсеева о карело-финском эпосе⁸. Из исследований народного поэтического творчества XIX в. интерес представляет работа К. В. Чистова об Ирине Федосовой⁹, в которой творчество знаменитой волленицы рассматривается на фоне жизни северного русского крестьянства в пореформенный период и выясняются особенности его мировоззрения. Такое направление в изучении фольклора чрезвычайно плодотворно; оно открывает также широкие перспективы и для использования фольклора в качестве историко-этнографического источника.

⁶ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958.

⁷ В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960.

⁸ В. Я. Евсеев, Исторические основы карело-финского эпоса, М.—Л., 1957.

⁹ К. В. Чистов, Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества Петрозаводск, 1955.